

Резкий, бьющий в нос запах мартини пьянил. Стоило Юй Сингэ подняться со своего места, как Шэнь Чжи опустил бокал на лакированную стойку.

Взгляд его прикипел к копне каштановых кудрей — пышных, но уложенных на удивление аккуратно. Провожая удаляющуюся фигуру, Шэнь Чжи хищно прищурился.

Вообще-то, у него уже были кое-какие трения с вокалистом группы ONE. Но эта мелкая неприятность не могла заставить его отступить. Слишком красивая добыча всегда разжигает азарт охотника, заставляя его забыть об осторожности.

И Шэнь Чжи был именно таким человеком.

Проводив кудрявого парня взглядом, он сделал еще один глоток, выждал пару мгновений и двинулся следом.

«То, что я хочу получить, всегда становится моим».

В его мире не существовало иных правил.

В туалетах ночных клубов обычно нечем дышать от табачного дыма, но время близилось к ночи, и сизая пелена под потолком успела немного рассеяться.

Юй Сингэ только потянулся к двери мужской уборной, как из соседней женской с визгом и хохотом вывалились две подвыпившие девицы. Не удержав равновесия, они навалились прямо на него, и одна, та, что держала в руке бокал, опрокинула спиртное ему на грудь.

— Ой! Простите, пожалуйста! — испуганно пролепетала девушка с густым смоки-айз, глядя на темное пятно, расплзающееся по его рубашке, и поспешно отступая на шаг.

Юй Сингэ лишь беззаботно отмахнулся:

— Пустяки, бывает.

Под расстегнутой рубашкой у него была черная майка, так что мокрая ткань, липнувшая к телу, доставляла разве что легкое неудобство.

Вторая девчонка, сообразив, кто перед ней, восторженно округлила глаза и преградила ему путь:

— Ой, ты же Юй Сингэ! Тот нереально крутой гитарист! Обалдеть, вживую ты еще красивее!

Она тут же принялась выпрашивать автограф. Пишущего под рукой не нашлось, и Сингэ, забрав у расплывшейся в улыбке девицы губную помаду, размашисто расписался прямо на протянутом клочке бумаги.

Одарив его восторженными визгами, подружки наконец скрылись в полумраке коридора, а Юй Сингэ вошел в уборную.

Он стянул промокшую рубашку. Сушилка для рук здесь была мало полезна — только ткань испортишь.

Черная майка плотно обтягивала поджарое тело, дышащее молодой, бьющей через край силой. Сингэ подошел к писсуару и расстегнул ширинку. В этот момент за его спиной скрипнула дверь. Кто-то вошел.

Следом на кафель легла длинная тень, а в тишине отчетливо щелкнул замок. Дверь заперли изнутри.

Сингэ сделал вид, что ничего не заметил, и спокойно продолжил свое дело. Вошедший мужчина — ростом не уступавший ему самому, под метр восемьдесят пять — бесцеремонно пристроился у соседнего писсуара.

Вообще-то, негласный мужской кодекс предписывает вставать хотя бы через один, но Шэнь Чжи плевать хотел на подобные условности.

Этот холеный, приличный с виду тип даже не подумал потянуться к ширинке. Вместо этого он, лениво зажав в зубах сигарету, принялся бесстыдно разглядывать Юй Сингэ с ног до головы.

«Ну и извращенец», — мысленно хмыкнул Сингэ, поспешно застегивая джинсы.

Стоило ему повернуться к выходу, как Шэнь Чжи, тоже закончивший свои дела, неторопливо подал голос:

— Прошу прощения за то недоразумение в зале.

Юй Сингэ остановился и обернулся, словно только сейчас разглядел, кто перед ним стоит. Чуть нахмурившись, он ответил с безупречной, но ледяной вежливостью:

— Ничего страшного.

Мужчина, чей изысканный костюм с узким галстуком так хорошо подчеркивал образ лощеного мерзавца, застегнул брюки. Из уголка его рта струился тонкий сизый дым.

Разглядывая Сингэ, он отметил, насколько ладно скроено тело под простой майкой. Шэнь Чжи приподнял брови и сделал шаг вперед, бесцеремонно вторгаясь в чужое личное пространство:

— Кстати... могу я задать тебе один вопрос?

В его голосе явственно проступила снисходительная, ленивая похоть.

Юй Сингэ проигнорировал этот раздевающий взгляд, равно как и запертую дверь, и лишь слегка приподнял брови с невинным недоумением.

Он был до безумия во вкусе Шэнь Чжи. Тот жадно скользнул взглядом по его лицу, шее и ниже, туда, где с промокнутой рубашки, зажатой в руке, медленно падали капли воды. Под тонким трикотажем майки угадывался рельеф упругих мышц, в которых чувствовалась скрытая, молодая сила. В тусклом, матовом свете уборной этот парень казался чертовски привлекательным.

Инстинкты вперемешку с алкоголем ударили в голову.

В хриловатом голосе Шэнь Чжи отчетливо зазвучало вождение. Он протянул руку и бесцеремонно опустил ладонь на шею Юй Сингэ, ощущая пальцами горячую, пульсирующую кожу.

— Тебя ведь интересуют мужчины? — выдохнул он прямо в лицо парню, обдавая его смесью дорогого табака и алкоголя. — Как насчет того, чтобы переспать со мной?

Это было прямое, грязное предложение, окутанное фальшивым флером интимности. Шэнь Чжи заглянул в глубокие карие глаза Сингэ. Там, под внешней безмятежностью, скрывался шторм, готовый вот-вот вырваться наружу.

На полпути к уборной Чэн Цзие столкнулся с теми самыми девицами — они возбужденно хвастались перед приятелями свежим автографом, заявляя, что почерк у гитариста просто умопомрачительный и они обязательно повесят этот листок дома рядом с автографами любимых звезд.

Он невольно усмехнулся. У его гитариста действительно был красивый почерк.

Значит, Юй Сингэ точно там, внутри.

Но когда Цзие потянул на себя дверь, та даже не шелохнулась.

Красивый темноволосый парень удивленно вскинул брови. Он подергал ручку сильнее — заперто.

В заведении Ду Цяо подобные вольности не поощрялись — устраивать оргии в кабинках здесь никто бы не позволил.

Чэн Цзие на секунду замер. В этот момент из-за двери донесся глухой удар, будто о нее приложили что-то тяжелое.

Звукоизоляция оставляла желать лучшего, и до ушей вокалиста донеслось чье-то тяжелое, сдавленное дыхание.

Что там, черт возьми, происходит?

Чэн Цзие снова дернул ручку, но дверь распахнулась сама.

Из проема вылетела рука, мертвой хваткой вцепилась в его плечо и рывком вытянула Юй Сингэ наружу. Цзие не успел даже рассмотреть, что творится внутри, как дверь с грохотом захлопнулась за спиной кудрявого гитариста.

Его гитарист выглядел, мягко говоря, странно: без рубашки, в одной обтягивающей черной майке, мокрый до нитки, с волос ручьями стекает вода. В довершение всего он звучно чихнул.

Заметив на его лице свежую ссадину, Чэн Цзие нахмурился:

— Ты что, дрался?

Юй Сингэ кивнул. В душе он всю досадовал, что мало всыпал этому гаду — раз уж подвернулся случай, надо было сполна отплатить за те две фальшивые ноты, что он смазал на сегодняшнем выступлении.

Чэн Цзие машинально полез в карман, но, ничего там не обнаружив, вспомнил, что уже давно не носит с собой пластыри. Он медленно убрал руку.

О причинах драки он спрашивать не стал — и так понятно, что какой-то придурок умудрился вывести из себя их обычно добродушного гитариста.

Юй Сингэ, у которого с мокрых кудрей все еще капало за шиворот, захлопал ресницами и принялся оправдываться первым:

— Да этот козел совсем берега попутал. Полез ко мне обжиматься. Пришлось вломить ему пару

раз, чтоб охоту отбить.

После этих слов лицо Чэн Цзие изменилось.

Губы вокалиста сжались в тонкую линию, а вокруг него словно сгустились грозовые тучи.

Кто-то посмел распушить руки в адрес его гитариста, пока его самого не было рядом. От этой мысли в груди зашевелилось глухое, ядовитое раздражение.

— Мужчина? — коротко спросил он.

— Ну да, — кивнул Сингэ.

Они стояли почти вплотную. Юй Сингэ, засунув руки в карманы джинсов, даже не заметил, как изменилась атмосфера.

Их взгляды встретились, и в воздухе мгновенно натянулась невидимая струна. Наконец Чэн Цзие отвел глаза. Его длинные, сильные пальцы музыканта потянулись мимо плеча Сингэ к дверной ручке. В этот миг между ними отчетливо пахнуло дорогим красным вином.

«Приятный запах», — подумал Сингэ, невольно приняхавшись.

Сингэ скользнул взглядом вслед за Чэн Цзие и слегка отступил в сторону.

Дверь приоткрылась. В клубах поредевшего сизого дыма у раковины стоял Шэнь Чжи. Он согнулся, прижимая ладонь к животу, его холеное лицо заметно побледнело.

Чэн Цзие сразу узнал его и нахмурился еще сильнее:

— Шэнь Чжи?

У них с этим типом уже были терки. Ничего криминального, просто как-то раз пьяный в стельку Шэнь-шао пытался утащить к себе в постель едва соображающего парня прямо из клуба, а Чэн Цзие, оказавшийся рядом, сорвал ему всю «охоту».

И надо же, опять этот ублюдок.

В груди вокалиста закипела злость. Вспомнив про недавнюю карточку с розами, он мгновенно сопоставил факты. Пазл сложился.

Меньше всего на свете Шэнь Чжи ожидал столкнуться здесь с Чэн Цзие. Старые обиды, свежие побои, да еще и позорный проигрыш прямо на глазах у заклятого врага — все это заставило его через силу выпрямиться. Натянув на лицо кривую усмешку, он процедил:

— Надо же, какие люди. Давненько не виделись.

Затем он перевел взгляд на Юй Сингэ и добавил со своей обычной издевательской развязностью:

— Ну подумаешь, отказал бы вежливо. Зачем сразу в морду-то бить?

«Ты мне еще лапать себя за шею позволять начни», — мысленно хмыкнул Сингэ. Хотя, честно говоря, он и без этого повода давно хотел начистить этой самодовольной роже холеную физиономию.

— Еще раз увижу тебя поблизости, — ровным, ледяным голосом произнес кудрявый гитарист, — буду бить без предупреждения. При каждой встрече.

Обычно добродушный и улыбчивый парень сейчас выглядел пугающе холодным.

Маска вежливого безразличия сползла с лица Шэнь Чжи. В его глазах на мгновение вспыхнула ярость, но он быстро справился с собой и изобразил снисходительную улыбочку:

— Ох, какие мы грозные... Ну и характер у тебя, егоза.

Чэн Цзие не ожидал увидеть своего обычно мягкого гитариста в таком амплуа. На секунду залюбовавшись этой жесткостью, он отвел взгляд.

Чтобы раз и навсегда закрыть тему и избавиться от назойливого ухажера, Юй Сингэ решил вытащить из глубин памяти свою старую, запылившуюся легенду стопроцентного натурала:

— И вообще, на будущее: прежде чем распускать руки, потрудился бы хоть узнать ориентацию того, к кому лезешь.

Чэн Цзие вздрогнул.

Действительно... Это ведь самое логичное объяснение. Как он сам об этом не подумал?

Значит... он все-таки натурал?

Вокалист опустил взгляд, разглядывая мыски своих ботинок. На душе у него сделалось тяжело

и пасмурно.

— Больше ты его здесь не увидишь, — негромко, но твердо произнес Чэн Цзие.

Охране бара Hugasán будет достаточно один раз показать эту холеную рожу, чтобы навсегда закрыть ему доступ в заведение.

Юй Сингэ искоса взглянул на вокалиста.

В темных, почти черных глазах Чэн Цзие плескалось какое-то странное, тяжелое чувство, природу которого гитарист разгадать не мог.

Сингэ ободряюще улыбнулся ему.

Но Цзие проигнорировал эту улыбку. Он лишь глубже засунул руки в карманы и бросил на ходу:

— Пойдем отсюда.

Удивительно, но он не стал расспрашивать о подробностях случившегося.

Перед уходом Юй Сингэ наклонился и перекрыл кран сорванной трубы, которую они зацепили во время потасовки — именно из нее его так щедро окатило водой.

Дверь в уборную осталась распахнутой настежь. Тусклый свет выхватывал из полумрака качающиеся тени, а Чэн Цзие стоял посреди коридора, ощущая, как грудь сдавливает глухая, необъяснимая тоска.

Неужели то странное притяжение между ними действительно было случайностью?

Или просто игрой его собственного воображения?

Эта иллюзия преследовала его уже давно.

Одна сигарета на двоих, чиркнувшая в сумерках зажигалка, сизый дым, медленно тающий под звездным небом... Ему казалось, что в глубине карих глаз Юй Сингэ тлеют едва заметные искры, готовые в любой момент вспыхнуть ярким пламенем.

Они подошли слишком близко друг к другу.

И все это оказалось обычным самообманом.

Шэнь Чжи, хоть и схлопотал по физиономии, умудрился сохранить видимость полного штиля. Поймав на себе взгляд Чэн Цзие, он даже ухмыльнулся и заговорщически подмигнул ему, хотя внутри у него все буквально klokотало от ярости.

Чэн Цзие стянул с плеч куртку. Юй Сингэ без лишних церемоний принял ее. С его мокрых кудрей все еще летели брызги, но лицо озарила широкая, обезоруживающая улыбка:

— Спасибо, братуха.

Глядя на его испорченную мартини рубашку, обтягивающую мокрое тело майку и эту невозможную, чистую улыбку, Чэн Цзие шумно выдохнул:

— Не за что.

Юй Сингэ непринужденно накинул куртку на плечи. На Шэнь Чжи они больше не обернулись. Буквально через минуту подросла охрана, вежливо, но непреклонно попросившая незваного гостя покинуть заведение.

Сингэ, хоть и не понимал, с какого перепугу этот напыщенный индюк вообще к нему привязался, выбросил эту мысль из головы. В конце концов, он сто лет ни с кем не дрался, и эта небольшая встряска даже принесла ему какое-то дикое удовольствие.

Правда, когда он попытался широко улыбнуться, разбитая губа отозвалась резкой болью — Шэнь Чжи все-таки успел заехать ему по лицу перед тем, как отлететь к стене.

— Твою ж... — прошипел Сингэ, картинно схватившись за щеку.

Как он и ожидал, Чэн Цзие тут же повернул к нему голову.

Они уже вышли в полумрак главного зала. Чэн Цзие остановился и в упор уставился на его разбитую губу.

— Сильно болит?

Юй Сингэ беззаботно фыркнул:

— Ну давай я тебе так же врежу, сам мне расскажешь.

Какая-то неведомая сила заставила Чэн Цзие замереть. В мерцающем свете неоновых ламп

лицо гитариста то тонуло в тени, то вновь становилось ярким. Его легкий, шутливый тон доказывал, что парень действительно не придавал этой грязной выходке особого значения.

Но почему? Неужели он не понимает, кто такой Шэнь Чжи и чем все могло закончиться? Чэн Цзие неотрывно смотрел на припухшую, покрасневшую кожу у него над губой.

Наверное, он просто непроходимо глуп и беспечен в таких вопросах.

Поддавшись внезапному импульсу, вокалист протянул руку прежде, чем разум успел его остановить. Его пальцы коснулись чужого лица.

Шероховатая подушечка большого пальца медленно, почти невесомо провела по мягкому, горячему контуру разбитой губы.

Нежная. Влажная.

Кудрявый парень от неожиданности замер и удивленно захлопал глазами.

У Чэн Цзие пересохло в горле. В голове не было ни одной здоровой мысли, способной оправдать этот жест. Судорожно отведя взгляд, он хрипло выдавил первое, что пришло на ум:

— У меня... нет с собой пластыря.

Что за бред он несет? Сгорая от глухого стыда и злости на самого себя, Цзие попытался убрать руку.

Но Юй Сингэ мягко перехватил его запястье, не давая отстраниться, и весело сощурился:

— Да ладно тебе. Твоя рука целебная — потрогал, и уже не болит.

Взгляд его при этом оставался абсолютно чистым и невинным, словно он искренне не понимал, насколько двусмысленно звучат его слова.

Зато Чэн Цзие все прекрасно понял. Словно ошпаренный, он резко вырвал свою ладонь.

— Пойдем, поищу в гримерке аптечку, — буркнул Цзие, стараясь не смотреть на парня.

Сингэ, разумеется, спорить не стал.

Вокалист засунул руки глубоко в карманы куртки, окончательно потеряв нить разговора.

К счастью, Юй Сингэ никогда не оставлял повисшие паузы без внимания и тут же заболтал неловкость какими-то пустяками. Чэн Цзие слушал его вполуха, тупо глядя под ноги. В правом кармане его пальцы совершали странные, бессознательные движения — они то сжимались, то терли друг друга, в точности повторяя то недавнее прикосновение к чужим губам.

Необъяснимая, пугающая дрожь все еще вибрировала где-то глубоко под ребрами. Чэн Цзие с кристальной ясностью осознал: его отношение к новому гитаристу давно перешло все разумные границы.

Это было ощущение медленно, но верно ускользающего контроля. Словно вся его упорядоченная, выстроенная вокруг музыки жизнь со свистом сходила с рельсов, уносясь куда-то в бездну.

Наваждение какое-то.

Чэн Цзие крепко сжал кулаки внутри карманов, а затем медленно разжал пальцы. Его лицо оставалось отрешенным и бледным.

Он ведь натурал.

И этот парень — тоже.

<http://bllate.org/book/18241/1765488>